

Глава 1

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Мое самое раннее детское воспоминание — маленький геройский поступок, который, возможно, так сильно врезался в память потому, что оказал впоследствии большое влияние на формирование моего характера. Восемь первых лет жизни я вместе с родителями провел в моем родном городке Ленте близ Ганновера, где мой отец арендовал у одного из местных господ так называемое «Верхнее поместье».

Мне было, наверное, лет пять, когда я однажды играл в кабинете отца, и тут, громко плача, туда вошла моя сестра Матильда, которая старше меня на три года, в сопровождении матери. Она должна была отправиться в дом пастора на урок вязания, однако жаловалась родителям на то, что во дворе ей всегда не дает прохода злобный гусь, уже не раз ее щипавший. Несмотря на все уговоры матери, она решительно отказывалась идти туда без сопровождения. Отцу также не удалось убедить сестру, тогда он вручил мне свою трость, бывшую, к слову, гораздо больше меня, и сказал: «Тебя проводит Вернер; надеюсь, у него храбрости больше». Это предприятие показалось мне вначале немного рискованным, так как отец напутствовал меня словами: «Если появится гусь, просто спокойно

иди ему навстречу, хорошенькоогрей его тростью, и он тут же сбежит».

Так и случилось. Как только мы открыли ворота во двор, навстречу, вытянув шею и свирепо шипя, бросился гусь. Сестра моя, вскрикнув, попыталась бежать, и у меня, признаться, возник огромный соблазн последовать ее примеру, но я доверился советам отца и пошел навстречу чудищу, хоть и с закрытыми глазами, но смело размахивая перед собой палкой. И надо же, теперь уже сам гусь испугался и с громким гоготом поспешил к стае остальных, также разбежавшихся кто куда сотоварищей.

Поразительно, какой глубокий, неизгладимый след оставила эта первая победа в моей детской душе. Даже сейчас, спустя почти семьдесят лет, все лица и предметы, связанные с этим важным событием, ясно стоят перед моими глазами. К этому же случаю относится и единственное сохранившееся в моей памяти воспоминание о внешности моих родителей в молодости. И несчетное количество раз позднее в трудных жизненных ситуациях та победа над гусем неосознанно побуждала меня не избегать грозящих мне опасностей, а смело идти им навстречу и побеждать.

Мой отец происходил из семейства, осевшего после Тридцатилетней войны на северном склоне Гарца¹ и занимавшегося почти исключительно земледелием и лесничеством. Старое семейное предание, отвергающееся, впрочем, последними семейными летописцами как недоказанное, гласит, что

¹ Гарц — горы в Северной Германии. — *Примеч. перев.*

наш предок попал в Северную Германию во время Тридцатилетней войны вместе с армией графа фон Тилли¹, принимал участие в осаде Магдебурга², но затем женился на уцелевшей в огне пожара бюргерской дочке и перебрался с ней в Гарц.

Уже само наличие основательно ведущейся родословной, что в мещанских семьях достаточно редкое явление, доказывает, что между Сименсами всегда существовала определенная связь. В наше время семейное собрание, проходящее каждые пять лет в одном из местечек Гарца, а также основанный в 1876 году семейный фонд способствуют укреплению этой связи в очень разросшейся семье.

Как и большинство Сименсов, отец очень гордился своими корнями и частенько рассказывал нам, детям, о родственниках, добившихся чего-то в жизни. Но из всех них, за исключением моего деда, имевшего пятнадцать детей, из которых отец был самым младшим, я помню лишь некоего военного советника Сименса, занимавшего не последнее положение в совете вольного города³ Гослара как раз в то время, когда он потерял свой имперский статус.

¹ Иоганн Церклас фон Тилли (1559–1632) — граф, имперский фельдмаршал времен Тридцатилетней войны. — *Примеч. перев.*

² Осада Магдебурга (1630–1631) — важный эпизод Тридцатилетней войны, закончившийся уничтожением и разграблением города. — *Примеч. перев.*

³ Вольные и/или имперские города — города в средневековой Германии, имевшие ряд привилегий и почти полную политическую самостоятельность. — *Примеч. перев.*

Мой дед арендовал у барона фон Гроте земли, состоявшие из поместий Шауен и Вассерлебен у северного подножия Гарца. В Вассерлебене и родился мой отец. Среди историй о молодости отца, которые он с удовольствием рассказывал нам, в моей памяти живо сохранились две.

Около 120 лет назад двор барона фон Гроте, наверное, потрясла потрясла весть о том, что король Пруссии Фридрих II по пути из Гальберштадта в Гослар проедет через владения барона. Старый фон Гроте поджидал могущественного соседа подобающим образом, в сопровождении единственного сына во главе баронского войска, состоявшего из двух человек, и вассалов — моего деда с сыновьями; все, разумеется, верхом. Когда на горизонте показался старый Фриц¹ со своим конным эскортом, барон подскакал к нему и учтиво приветствовал его «в своих пределах». Король, вероятно, совершенно позабывший о существовании соседнего государства, казалось, удивился такому приему, но ответил на приветствие по всей форме и воскликнул, обращаясь к своей свите: «Messieurs, voilà deux souverains qui se rencontrent!»² Эта сцена старой доброй немецкой учтивости навсегда сохранилась в моей памяти, наполняя страстным желанием будущего национального единства и величия.

Вскоре за описанным мной событием последовало другое, имевшее большие последствия для мини-

¹ Старый Фриц — шутливое прозвище короля Пруссии Фридриха II (1712–1786). — *Примеч. перев.*

² «Господа, вот неожиданная встреча двух государей!» (фр.). — *Примеч. перев.*

атюрного баронства фон Гроте. У моего отца было четыре¹ сестры, одна из которых, по имени Сабина, была очень мила и хороша собой.

Об этом прознал молодой барон и предложил ей руку и сердце. Неизвестно, как отнесся к этому старый барон, но у моего деда юноша встретил решительный отпор. Дед не хотел отдавать дочь в дом, где этот брак считался бы мезальянсом, и твердо придерживался убеждения своего времени, что все благое может произрасти только из союза двух подобных существ. Он запретил дочери всякое дальнейшее общение с бароном и облегчил ее выбор, отослав из родительского дома. Однако молодые люди явно были охвачены веяниями современной эпохи, так как в утро запланированного отъезда дед получил ужасную весть, что ночью барон тайно похитил его дочь. Представьте себе последовавший за этим переполох и погоню за сбежавшей парочкой в лице деда и пятерых его взрослых сыновей. След беглецов привел в Бланкенбург, а оттуда к местной церкви. Насилу пробившись внутрь, преследователи нашли молодых у алтаря, где пастор только что соединил их священными узами брака.

Дальнейшего развития семейной драмы я уже не помню. К сожалению, молодой супруг скончался после нескольких счастливых лет брака, не оставив потомства. Владение Шауен отошло к дальним

¹ В действительности у отца Сименса, Кристиана Фердинанда Сименса, было восемь сестер, из которых пятеро достигли взрослого возраста. — *Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания редактора.*

родственникам, разумеется, вместе с обязанностью выплачивать моей тетке Сабине еще почти полвека положенное по закону баронское вдове содержание.

В бытность молодым артиллеристским офицером я неоднократно навещал любезную и остроумную пожилую даму в ее доме в городке Келледа в Тюрингии, куда она удалилась от света. Тетя Гроте и в старости оставалась красива, ее дом являлся признанным центром сбора всей нашей семьи. На нас, молодых людей, она оказывала почти гипнотическое влияние, и нам доставляло истинное наслаждение слушать рассказы о людях и событиях ее молодости.

Мой отец был умным, образованным человеком. Он окончил классическую школу в Ильфельде в Гарце, а затем посещал Геттингенский университет, чтобы основательно подготовиться к выбранному им аграрному поприщу. Он душой и сердцем принадлежал к той части немецкой молодежи, что выросла в бурях Великой французской революции и страстно мечтала о свободе и единении Германии.

Однажды в Касселе отец чуть не попал в руки полицейских ищек, примкнув к слабым попыткам восторженных юнцов организовать сопротивление Наполеону после разгрома Пруссии.

После смерти деда, его отца, он поступил на службу к советнику Дейхману в Поггенхагене близ Ганновера, чтобы на практике изучить сельское хозяйство. Там он вскоре влюбился в старшую дочь советника, мою дорогую матушку, Элеонору Дейхман, и женился на ней, несмотря на свою молодость (ему не было и двадцати пяти), взяв перед этим в аренду поместье Ленте.

В течение двенадцати¹ лет мои родители счастливо жили в Ленте. К сожалению, политические отношения Германии, а главным образом вновь попавший под английское господство² Ганновер, угнетающе действовали на душевное состояние моего отца. Английские принцы, содержавшие в Ганновере свой двор, не особо пеклись о благе страны, рассматривавшейся ими исключительно как охотничьи угодья. А посему законы об охоте были весьма строги, так что повсюду шла молва, будто в Ганновере намного страшнее убить оленя, чем человека! Судебная тяжба в отношении моего отца о нанесении вреда дичи запрещенными средствами обороны стала одной из причин его отъезда из Ганновера и поиска им новой родины в Мекленбурге.

«Верхнее поместье» в Ленте расположено на открытой лесом горе Бентерберг, являющейся частью гор Дайстер. Олени и кабаны, которых берегли для королевских охот, будучи уверенными в своей безнаказанности, с особой любовью целыми стадами навещали поля Ленте. Даже если все население деревни, по очереди уходя в ночной дозор, пыталось уберечь посевы, тем не менее внезапно выбегавшая из леса дичь нередко за несколько часов уничтожала надежды целого года.

В одну из суровых зим, когда в полях и лесах зверям не хватало пропитания, они частенько при-

¹ Семья прожила в Ленте десять лет — с 1813 по 1823 год.

² Королевство Ганновер существовало с 1814 по 1866 год и управлялось монархами Великобритании. — *Примеч. перев.*

ходили и в сами деревни. Однажды утром управляющий доложил отцу, что во двор забрело стадо оленей, ворота заперли и теперь надобно отдать распоряжение, что с ними делать дальше. Отец велел загнать оленей на конюшню и послал нарочного в Высшее королевское охотничье управление с описанием случившегося и предложением перегнать оленей напрямиком в Ганновер.

Это не прошло для него даром. Вскоре явилась большая комиссия следователей, освободила оленей и в ходе многодневного криминального расследования установила факт, что в отношении оленей было совершено насилие путем принуждения зайти в конюшню против их воли. Отец мог почитать себя счастливым, отделавшись лишь крупным денежным штрафом.

Это всего лишь маленькая зарисовка тогдашнего положения в «провинции Ганновер Соединенного королевства Великобритании» — так мои дорогие земляки охотно и с определенной долей гордости называли свою страну. Но и в остальных немецких государствах дела обстояли ненамного лучше, несмотря на Французскую революцию и победоносные освободительные войны. Хорошо, когда достаточно счастливое нынешнее поколение может сравнить страдания и часто безнадежные заботы отцов со своими проблемами для преодоления пессимистических воззрений.

Ту большую свободу, которую искал мой отец, он действительно нашел в княжестве Ратцебург в составе герцогства Мекленбург-Стрелиц, где получил в долгосрочную аренду герцогский домен Менцен-

дорф. В этом благословенном маленьком государстве кроме доменов и деревень существовало единственное дворянское поместье. Хотя крестьяне тогда еще были обязаны ходить на барщину, уже в первые годы после нашего переезда ее отменили, и крестьянские наделы были освобождены от всех повинностей и почти от всех податей.

Относительно свободные, буйные годы детства, проведенные мной в Менцендорфе в обществе братьев и сестер, а также деревенской детворы, были безмятежно счастливыми. Первые годы старшие дети — моя сестра Матильда, я — и наши младшие братья Ханс и Фердинанд свободно и беззаботно носились по окрестным лесам и полям. Нашим обучением занималась бабушка, жившая с нами после кончины деда. Она научила нас читать, писать и тренировала нашу память заучиванием бесконечного числа стихотворений. Родители были слишком заняты хозяйством, а мать еще и заботами о быстро подрастающих один за другим младших детях, чтобы уделять достаточно внимания еще и нашему воспитанию. Отец мой был добросердечным, но весьма вспыльчивым человеком и немилосердно наказывал нас, если кто-то пренебрегал своими обязанностями, лгал или поступал недостойно. Страх гнева отца и любовь к матери удерживала нашу маленькую, обычно немного озорную компанию в рамках приличия. Главной обязанностью старших была забота о младших братьях и сестрах. Причем если один из малышей совершал какой-то проступок, заодно наказывались и все старшие. Это тяжелым грузом ложилось в особенности на меня, как на самого

старшего, и очень рано пробудило и укрепило во мне чувство ответственности за братьев и сестер. Поэтому я присвоил себе право вершить правосудие над остальными детьми, что часто приводило к образованию враждебных мне группировок и бурным дракам, которые, впрочем, всегда заканчивались без вмешательства карающей родительской руки.

Помню один случай, о котором хочу рассказать как о характерном для нашего детства. Мой брат Ханс и я часто успешно охотились на ворон и прочих хищных птиц с помощью самодельных луков, в искусстве обращения с которыми мы преуспели. В одном из разгоревшихся между нами споров я привел свой возраст в качестве безусловного аргумента. Брат считал это недостойным и потребовал разрешения спора дуэлью, где моя сила не была бы решающей. Я нашел это требование справедливым, и мы приступили к организации самой настоящей дуэли на луках по правилам, почерпнутым из рассказов отца о его студенческой жизни. Отмерив десять шагов и по моей команде «Сходитесь!» мы одновременно выстрелили друг в друга нашими оперенными стрелами с остро заточенной спицей на конце. Брат Ханс прицелился на славу. Стрела попала мне прямо в кончик носа и вонзилась глубоко в кожу, дойдя до переносицы. Последовавшие наши крики привлекли внимание отца, который вытащил торчавшую стрелу и приготовился проучить виновного, достав из кармана свою трубку.¹

¹ В воспитании детей нередко применялись такие телесные наказания, как битье трубкой, тростью, порка розгами, ремнем и другие методы. — *Примеч. перев.*

Это противоречило моему чувству справедливости. Я решительно встал между отцом и братом и сказал: «Отец, Ханс не виноват, у нас была дуэль». Перед моими глазами до сих пор стоит озадаченное лицо отца, который не мог наказать за то, что делал и считал справедливым сам. И он невозмутимо засунул трубку обратно в чехол, сказав лишь: «На будущее — прекратите подобные глупости».

После того как мы с сестрой переросли уроки бабушки Дейхман, урожденной фон¹ Шайтер (титул, который она никогда не забывала добавлять к своей подписи), мой отец сам давал нам уроки в течение полугода. Его описание мировой истории и этнографии, записанное нами под диктовку, отличалось остроумием и оригинальностью и послужило основой формирования моих воззрений. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, сестру отправили в женский пансион в городе Ратцебург, а я поступил в бюргерскую² школу в соседнем городке Шёнберг. В хорошую погоду я преодолевал почти часовой путь до школы пешком. В плохую погоду дороги развозило, и тогда я отправлялся туда верхом на пони. Это обстоятельство и моя привычка немедленно отвечать на насмешки действием скоро привели меня к состоянию войны с городскими школьниками, сквозь

¹ Фон — приставка при немецкой фамилии, часто указывающая на дворянское происхождение. — *Примеч. перев.*

² Бюргерские школы — школы, существовавшие в городах Германии в XVII–XIX веках для сыновей ремесленников, мелких торговцев и пр. В них преподавались немецкий язык, математика, основы географии и естествознания, некоторые прикладные знания. — *Примеч. перев.*

толпу которых мне приходилось прокладывать себе дорогу только с помощью импровизированного копья — жерди. Противостояние, в котором мне иногда помогали парни из нашей деревни, продолжалось целый год. Это наверняка сильно поспособствовало моей физической подготовке, но очень мало улучшило познания в науках.

Решающий поворот в моей судьбе наступил на Пасху 1829 года, когда отец нанял домашнего учителя. Выбор отца оказался более чем прекрасен. Кандидат богословия Шпорнхольц был еще молодым человеком. Он был прекрасно образован, но плохо принят духовным начальством, так как его богословские взгляды носили, как выразились бы сегодня, слишком рационалистичный, малопозитивный характер. Уже в первые недели он смог обрести над нами, полудикими мальчишками, загадочную, необъяснимую мной власть. Он никогда не наказывал нас, практически не ругал, зато частенько принимал участие в наших забавах и, по-настоящему играя, формировал наши хорошие качества и подавлял плохие. Его уроки были в высшей степени увлекательными и развивающими. Он всегда ставил перед нами реальные задачи, стимулировал нашу инициативу и честолюбие радостью достижения поставленной цели, радостью, которой он затем искренне делился с нами. Таким образом, уже через несколько недель ему удалось превратить необузданных, ленивых мальчишек в самых усердных и прилежных учеников, которых нужно было не принуждать к учебе, а скорее удерживать от переутомления. В частности, во мне он пробудил никогда

не угасавшее чувство радости от полезного дела и честолюбивое желание справиться с ним на отлично. Важным средством для этого были рассказы. Если поздно вечером у нас слипались глаза от усталости, он подзывал нас к себе на старый кожаный диван, на котором имел обыкновение сидеть подле рабочего стола. Тесно прижавшись к нему, мы слушали описания нашей будущей жизни, либо возносившие нас на жизненный Олимп, взобраться на который помогали старания и моральные качества (пребывание на нем, например, позволяло решить и родительские заботы, которые в то трудное время действительно были тяжелы для аграриев), либо иллюстрирующие печальные жизненные обстоятельства, в которые мы попадали, отказавшись от наших устремлений и не справившись с искушениями. К сожалению, этот счастливейший период моего отрочества длился недолго, менее года. У Шпорнхольца часто бывали приступы глубокой меланхолии, источником которой были отчасти его неудавшаяся теологическая карьера и биография, а отчасти причины, непонятные детскому разуму. Во время одного из таких приступов в темную зимнюю ночь он взял с собой ружье и ушел из дома. После долгих поисков его обнаружили в дальней части имения с разможенным черепом. Наша скорбь о потере любимого друга и учителя была безмерна. Любовь и благодарность к нему я сохранил до сих пор.

Шпорнхольца сменил пожилой господин, на протяжении многих лет занимавший должность домашнего учителя в благородных домах. Он был абсолютной противоположностью своего предше-

ственника. Его система воспитания носила чисто формальный характер. Он требовал от нас послушания во всем и хороших манер. Юношеская пылкость была ему решительно отвратительна. В отведенное для занятий время нам следовало быть внимательными и выполнять задания, чинно сопровождать его во время прогулок и не мешать во внеурочное время. Несчастный старик был слабого здоровья и через два года скончался в нашем доме от туберкулеза легких. Он не оказал на нас ни развивающего, ни воспитательного воздействия, и если бы не сохранившееся в наших сердцах влияние Шпорнхольца, оба года можно было считать потраченными впустую, по крайней мере, для меня и моего брата Ханса. Но во мне стремление исполнять свой долг и прилежно учиться укоренились так глубоко, что я не позволил себе сбиться с правильного пути и, наоборот, увлекался за собой учителя. Позже я нередко сожалел, что так часто лишал бедного больного старика необходимого ему покоя, после уроков часами оставаясь сидеть на своем рабочем месте, не обращая внимания на все те маленькие хитрости, с помощью которых он пытался от меня избавиться.

После смерти второго учителя отец решил отправить меня и Ханса в Любекскую гимназию, так называемую школу святой Екатерины, и воплотил данный план сразу после моей конфирмации¹ в нашей приходской церкви в Любзее.

¹ Конфирмация — торжественный акт испытания ребенка в вере и окончательного введения его в состав церковной общины. Проводится в возрасте 13–14 лет. — *Примеч. перев.*

После вступительных экзаменов меня перевели в старшие классы, а моего брата — в младшие. Мы жили не в обычном пансионе, а на частной квартире одного из горожан, где и столовались. Отец испытывал настолько глубокое доверие к моей сознательности, что делегировал мне полное право присмотра за немного легкомысленным братом, в котором былая резвость проявилась вновь настолько, что отражалась уже в полученном им школьном прозвище «озорник Ханс».

Школа святой Екатерины в Любеке состояла из собственно гимназии и бюргерской школы, которые управлялись одним директором и до четвертого класса представляли собой параллельные классы. Классическая гимназия пользовалась в те времена большим уважением. Внимание в ней, в общем-то, уделялось только древним языкам. Уроки математики были очень поверхностными и меня не удовлетворяли; поэтому меня перевели на класс выше, несмотря на то что до сих пор я изучал математику исключительно самостоятельно, так как оба моих домашних учителя ничего в ней не смыслили. Древние языки, напротив, давались мне достаточно трудно ввиду отсутствия прочной основы из школьных знаний. Насколько меня интересовало и вдохновляло изучение классиков, настолько же отвратительна была зубрежка грамматических правил, не дававших пищи для размышлений и познания. И хотя два последующих года до перевода в выпускной класс я добросовестно трудился, я понимал, что не найду удовлетворения в дальнейшем изучении древних

языков, и решил заняться строительным делом, единственной имевшейся в то время технической профессией. Поэтому в предпоследнем классе я отказался от изучения греческого и вместо этого начал брать частные уроки математики и топографии для подготовки к поступлению в Берлинскую строительную академию. Но, к сожалению, оказалось, что обучение в академии было слишком дорогим удовольствием, и родители не могли позволить себе принести такую жертву при наличии остальных детей в становившиеся все более трудными для сельского хозяйства времена, когда шеффель¹ зерна стоил всего гульден.

Из этой беды меня выручил совет моего учителя топографии, лейтенанта любекского гарнизона, барона фон Бюлцингслёвен, служившего прежде в прусской артиллерии. Он посоветовал мне вступить в прусский инженерный корпус, где у меня появится возможность изучать те же предметы, что и в строительной академии.

Отец, которому я сообщил о своих планах, был полностью со мной согласен и привел еще один веский довод, глубокую обоснованность которого показала новейшая немецкая история. Он сказал: «Так, как обстоят сейчас дела в Германии, больше продолжаться не может. Скоро все полетит кувырком. Единственное надежное место в Германии — это государство Фридриха Великого и прусская

¹ Шеффель — в Германии старая мера зерна разных объемов (от 55 до 177 литров), в зависимости от местности. — *Примеч. перев.*

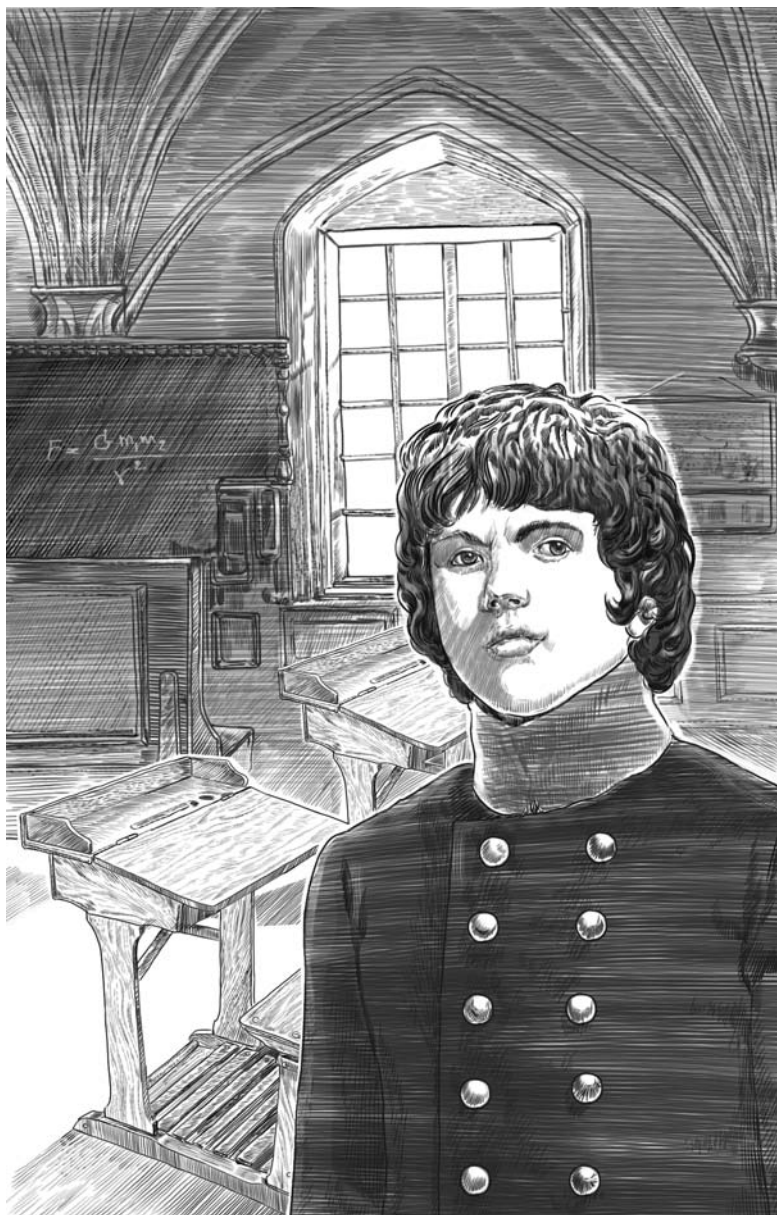
армия, а в такие времена всегда лучше быть молотом, чем наковальней».

Таким образом, на Пасху 1834 года, в возрасте семнадцати¹ лет, я распродался с гимназией и отправился пешком с небольшой суммой денег в Берлин, чтобы присоединиться к будущим «молотам».

Из письма Вернера Карлу, 25.12.1887

«...Таким образом, я с детства мечтал об основании такого светского предприятия, которое принесло бы не только мне, но и моим потомкам власть, уважение и средства, позволяющие возвысить моих братьев и сестер, а также ближайших родственников в своей среде. Это желание возникло у меня во время рассказов нашего домашнего учителя Шпорнхольца, который поуждал нас, ленивых мальчишек, к усердному труду сказками о нашей жизни, в финале которых мы неизменно, как по мановению волшебной палочки, решали заботы наших родителей. Оно глубоко засело во мне и в результате поворота моей судьбы, заставившего заботиться о младших братьях и сестрах, еще более укрепились...»

¹ Весной 1843 года Вернеру фон Сименсу было восемнадцать лет.

Глава 2

АРМИЯ

После тяжелого расставания с родным домом, обожаемой, уже начинавшей болеть из-за бесконечных забот и тревог матерью и толпой повисших на моей шее братишек и сестренек отец отвез меня в Шверин, откуда я и начал пешее путешествие. Перейдя прусскую границу, я продолжал путь по прямой пыльной дороге через бесплодную, пустынную песчаную равнину, как вдруг меня охватило чувство страшного одиночества, которое усиливал печальный контраст с пейзажами моей родины.

Перед моим отъездом к отцу пришла делегация, состоявшая из самых уважаемых крестьян деревни, чтобы просить не отсылать «такого хорошего мальчика» голодать в нищую Пруссию, мол, и дома еды для меня предостаточно. Крестьяне не могли взять в толк, что за песками на прусской границе также существуют плодородные земли. Несмотря на мое твердое решение самостоятельно пробить себе дорогу в этом мире, в тот момент мне показалось, что крестьяне были правы и я шел навстречу безрадостному будущему. Так что мне было в утешение встретить по дороге бодрого образованного молодого человека, который подобно мне, с ранцем за спиной, держал путь в Берлин. Там его уже знали, и он предложил мне отпра-

виться вместе с ним на постоянный двор, который очень расхваливал.

Это был постоянный двор для пуговичников, в нем я и провел первую ночь в Берлине. Хозяин скоро понял, что я не отношусь к кругу его обычных постояльцев, и подарил мне свое расположение. Он защищал меня от насмешек молодых ремесленников, а на следующий день помог разузнать адрес моего дальнего родственника, лейтенанта фон Юэ, служившего в конногвардейской артиллерии. Кузен Юэ дружески принял меня, но чуть не лишился чувств, узнав, где я остановился. Он тут же отправил денщика с поручением забрать мой ранец с постоялого двора и снять номер в маленькой гостинице на Фридрихштрассе, а также вызвался после необходимого обновления моего гардероба сопровождать меня с визитом к тогдашнему командующему инженерным корпусом генералу фон Рауху.

Генерал решительно отговорил меня от моего намерения, так как в то время вызова в Артиллерийскую и инженерную школу ожидало такое количество авантажеров¹, что ближайшие четыре-пять лет я мог даже не надеяться попасть туда. Он посоветовал мне пойти в артиллерию, чьи кандидаты посещали ту же школу, что и инженеры, но имели намного больше шансов. Так что я решил попы-

¹ Авантажер — первое звание для кандидатов на присвоение офицерского звания в прусской армии. После вступительного испытания кандидат зачислялся на военную службу в качестве аванжера, имея статус рядового солдата. — *Примеч. перев.*

тать счастья в артиллерии и, поскольку в конной гвардии мест не было, отправился пешком в Магдебург в превосходном расположении духа и с рекомендательным письмом от отца лейтенанта фон Юэ, полковника в отставке фон Юэ, к командиру третьей артиллерийской бригады полковнику фон Шарнхорсту.

Полковник, сын известного организатора прусской армии, поначалу также грозил мне большими трудностями, заметив, что число желающих получить чин офицера очень велико и что из пятнадцати молодых людей, уже записавшихся на вступительный экзамен, он сможет взять только четверых лучших. В конце концов он сдался моим просьбам и пообещал допустить к испытанию, если его величество король соблаговолит разрешить иностранцу служить в прусской армии. Ему явно пришлось по душе мои открытые, решительные манеры, но определяющим, возможно, послужило то обстоятельство, что из моих бумаг он узнал, что моя мать была урожденной Дейхман из поместья Поггенхаген, граничившего с имением его отца.

Так как вступительный экзамен был назначен лишь на конец октября, у меня оставалось еще три месяца на подготовку. Поэтому я опять же пешком отправился в имение моего дяди в Роден на северном склоне Гарца и провел там несколько недель в общении с родственниками, среди которых особое впечатление на меня произвели две хорошенькие и милые взрослые дочери дяди. Я с удовольствием принимал их воспитательные заботы о молодом, еще несколько неотесанном кузене. Затем я вместе

с кузеном Луи Сименсом, который был младше меня на несколько лет, уехал в Гальберштадт, где начал упорную подготовку к вступительному испытанию.

Экзаменационная программа, врученная мне полковником фон Шарнхорстом, внушала большие опасения. Кроме математики требовалось еще знание истории, географии и французского языка, а эти предметы преподавались в Любекской гимназии весьма поверхностно. Заполнить пробелы за пару месяцев было очень нелегким занятием. К тому же у меня отсутствовало освобождение от воинской службы в мекленбургской армии, из которой меня должен был выкупить отец, и разрешение короля на службу в Пруссии.

В середине октября я, исполненный забот, вернулся в Магдебург, где так и не нашел ожидаемого из дома письма с необходимыми документами. Когда в назначенное время я, тем не менее, собрался идти на экзамен, то к моему большому радостному удивлению встретил по дороге отца, который сам приехал в Магдебург на двуколке, чтобы вовремя доставить мне бумаги, так как почта в те времена работала слишком медленно.

Экзамен уже в первый день оказался для меня более чем удачным. В математике я решительно опередил всех четырнадцать конкурентов. В истории мне повезло — я получил удовлетворительный балл. В современных языках я хотя и был слабее других, но мне засчитали лучшее знание древних языков. Гораздо хуже дело обстояло с географией; я скоро заметил, что большинство знали ее намного

лучше меня. Но и тут мне помогло очень удачное стечение обстоятельств.

Экзаменатором был капитан Майникке, имевший славу весьма ученого и при этом оригинального человека. Он считался большим знатоком токайского вина¹, как я узнал позднее, и, наверное, именно это побудило его спросить нас, где находится Токай. Никто не знал, и это его очень рассердило. Я был последним в очереди, и тут, к счастью, вспомнил, что однажды токайское вино прописывали моей больной матери, называя его также венгерским. На мой ответ: «В Венгрии, господин капитан» лицо его просияло, и с возгласом: «Ну, господа, уж токайское вино теперь вы будете знать!» он поставил мне высший балл по географии.

Таким образом, я попал в число четырех счастливых, лучше всех сдавших экзамен, но мне нужно было еще четыре недели с беспокойством ожидать королевского разрешения на воинскую службу. Однако когда оно пришло в конце ноября, я опять не мог сразу начать учиться, так как родился 13 декабря 1816 года, то есть мне еще не было восемнадцати лет. Но я получил специального экзерцирмайстера², нещадно муштровавшего меня, одетого в гражданскую одежду, на площади перед Магдебургским собором.

¹ Токайское вино — десертное вино из белых сортов винограда, выращиваемое в Венгрии. — *Примеч. перев.*

² Экзерцирмайстер — наставник из числа унтер-офицеров, занимавшихся военной подготовкой рекрутов. — *Примеч. перев.*

